

УДК 2-745(470.1/.2)(091)«17/18»+348(0454)

ПАВЛУШКОВ Александр Рудольфович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии и истории Вологодского института
права и экономики Федеральной службы исполне-
ния наказаний России. Автор 60 научных публика-
ций, в т. ч. 4 монографий

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИМЕНЕНИИ ЦЕРКОВНОГО НАКАЗАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII века

В статье дается анализ двух законодательных документов: Соборного Уложения 1649 года и Артикула воинского 1715 года на предмет изменения судебно-правового статуса Русской Православной Церкви, ее юрисдикции и применения различных форм церковного наказания. Показаны как общие черты этих документов, так и принципиальные особенности каждого из них в аспекте изучаемого вопроса.

Ключевые слова: *Соборное Уложение 1649 года, Артикул воинский 1715 года, церковное наказание, статус духовенства, церковный суд, светский суд.*

Политико-правовой статус Русской Православной церкви (далее РПЦ) всегда зависел от воли государства. Положение самой Церкви никогда не было стабильным в силу различных объективных причин и прежде всего из-за боязни правящей элиты ограничить собственную власть. Церковь рассматривалась государством не только как союзник, но и как главный соперник в претензиях на политическую власть, что подтверждают открытое выражение политических амбиций верхушкой церковной иерархии [5, с. 301–305] и выступления ее представителей против существующего режима [10, с. 18, 29]. Статус церкви подкреплялся не только экономическими ресурсами

и ее финансовой независимостью, но и социальной поддержкой. С середины XVII века, особенно после неудачных планов Никона создать теократическое государство, положение РПЦ кардинально меняется. Государство стремится подчинить себе церковь и возложить на нее новые обязанности. Набирающий силу абсолютизм меняет формулу взаимоотношений с РПЦ, основанную на прагматизме. основополагающие законодательные государственные акты постепенно ограничивают юрисдикцию церковного суда. Происходит активное заимствование форм церковного наказания светским законодательством, особенно в части семейных отношений.

Рассмотрим этот процесс на примере двух государственных документов: Соборного Уложения 1649 года, которое действовало до начала XIX века, и Артикула воинского 1715 года. Анализ этих документов произведем с точки зрения изменения статуса РПЦ, ее юрисдикции и заимствования церковных форм наказания государством. Артикул воинский, хоть и предназначался для военнослужащих, широко применялся в судебной практике XVIII – начала XIX века [9, с. 318]. Этому способствовало то, что многие составы преступлений, предусмотренных Артикулом, были не связаны с военной службой [11, с. 376]. Обращает на себя внимание и то, что многие статьи Артикула вводили церковное покаяние как дополнительную меру воздействия: «виновному церковное наказание возложить купно с другими наказаниями» [6, арт. 158, с. 368] или «наказать тюрьмою и церковным покаянием» [6, арт. 176, с. 373–374].

Оба документа создавались в условиях нарастающего противостояния церкви и государства. Общим для них является то, что в иерархии преступлений они на первое место ставили преступления против церкви. По сравнению с предыдущим законодательным периодом каждый из них усиливал карательную сторону наказания. Однако Артикул предусматривал смертную казнь за преступления против церкви в 6 случаях из 8 статей первой главы «О страхе божьем» (75 %), тогда как Уложение аналогичную меру наказания допускало лишь в 3 случаях из 9 статей первой главы «О богохульниках» (35 %). Налицо тенденция ужесточения наказания за преступления против церкви. Но это совсем не говорит о том, что государство стало больше заботиться о религиозности граждан. Суровость наказания объясняется, во-первых, общей тенденцией ужесточения петровского законодательства; во-вторых, тем, что церковь стала рассматриваться как государственный институт, требующий соответствующей юридической защиты, и, в-третьих, усилением официально-психологического воздействия, т. к. все казни по преступлениям против церкви происходили публично.

Вместе с тем удельный объем статей, посвященных церкви, стал меньше. Из 967 статей Соборного Уложения 93 статьи (10,4 %) были посвящены церковным делам, подавляющее большинство которых – формы ответственности за различные нарушения. В 6 главах из 25 были разделы или отдельные статьи, посвященные регулированию церковной жизни. В Артикуле лишь 30 статей (7 %) из 209 были посвящены Церкви. Однако 11 новых статей 20 главы «О содомском грехе, о насилии и блуде» посвящены исключительно нарушениям семейно-брачных отношений, что ранее относилось к ведению церкви. Из Артикула воинского следует, что существует группа преступлений, которые противоречат и государственному порядку, и церковным заповедям, поэтому вызывают одновременное наложение уголовного и церковного наказаний. Вместе с тем светский законодатель не ставит знак равенства между церковным покаянием и другими уголовными наказаниями. Карательные меры идут в сочетании с покаянной дисциплиной.

К числу отличий, которые можно обнаружить между этими документами по вопросу разграничения юрисдикции между государством и РПЦ и применения церковных наказаний, можно отнести следующие:

1. Во введении к Уложению говорится о единстве царской и церковной власти, неоднократно подчеркивается как богоизбранность царя, так и соответствие содержания текста «правилам Святых Апостолов и Святых Отцов». Артикул же только обязывает производить присягу солдат на верность царскому величеству, при этом ссылок на единство светской и религиозной власти нет вообще. Отношение к Церкви меняется кардинально в сторону ее подчинения государству, поэтому следование исторической традиции «симфонии» в их взаимоотношениях – это вопрос воли императора. Государство демонстрирует свое первенство и начинает ограничивать церковную юрисдикцию.

2. Уложение предусматривает возможность участия представителей духовенства

в светском судопроизводстве. Указывается также на обязательное привлечение их в качестве свидетелей при судебном дознании. Смешные суды не являлись редкостью для того времени и создавались в том случае, когда судебное разбирательство затрагивало интересы обеих сторон [7, с. 428]. Церковь являлась крупным земельным собственником, обладала высоким политическим и социально-экономическим статусом, поэтому сам факт наличия смешных судов был отражением правового компромисса между государством и церковью. В то же время Артикул вообще не говорит о возможности проведения совместного розыска с представителями духовенства. Как и в первом случае, наблюдается снижение юридических полномочий церкви.

Тем не менее архивные материалы позволяют утверждать, что церковь, как правило, осуществляла параллельное расследование, если представитель духовенства обвинялся в совершении уголовного преступления и следствие в отношении него производили гражданские инстанции. Такая практика была повсеместной и в XVIII, и в XIX веке. Более того, местные епархиальные органы подавали жалобы в Синод, Сенат и даже императору, если усматривали какие-либо нарушения [8, с. 251–252].

3. Уложение предусматривает более широкое использование церковных судов (суд патриарха и суд митрополита) и церковного наказания (гл. 10 ст. 162), тогда как Артикул допускает отсылку к духовному суду только военных священнослужителей за неисполнение своих обязанностей, повторное пьянство (арт. 15) и «беззаконные поступки», которые «соблазн другим чинят» (арт. 14). Суда патриарха к моменту действия Артикула уже не было, однако архиерейский суд занимал достаточно важное место. Документ обходит его молчанием, не придавая серьезного значения этой инстанции. Имея профильную направленность, Артикул тем не менее содержит раздел, связанный с нарушением норм морали и брачных отношений, что традиционно относилось к юридической прерогативе церковного суда,

о котором практически не говорится. Артикул не исключает (предполагает по аналогии) применение церковного наказания за «пение блядских песен и произношение позорных речей» (арт. 177), однако непосредственно об этом не сообщается. Государство все еще теряется и до конца не может определить свое отношение к определению судебных полномочий РПЦ.

Более того, формулировки виновности при назначении церковного наказания в ряде случаев по Артикулу достаточно расплывчатые. Священник мог быть лишен сана за «порочную и неумеренную жизнь», «нечастивые поступки» (арт. 14). Неопределенность судебных формулировок характерна и для Соборного Уложения, но в меньшей степени это касалось церковного наказания. Тем не менее в XVIII веке неопределенные формулировки церковного наказания не являлись редкостью. Например, при ссылке в монастырь, когда обвинение в преступлении имело политический характер, судебные решения носили предельно обобщенный характер: «сослан за потаенные дела» [4, л. 3], «сослан по секретному делу» [3, л. 1–2], «содержать под стражей» [1, л. 1–3], «сослать, куда государь укажет» и т. д. [2].

Соборное Уложение значительно чаще предлагало использовать церковное наказание. Оно назначалось в следующих формах и случаях: 1) отсылка на смирение к патриарху или митрополиту представителей духовенства за ложные доносы и показания (гл. 10, ст. 162), 2) временное отлучение от церкви от 6 до 10 лет за ложную клятву (гл. 14, ст. 10); 3) церковное покаяние в виде поста на несколько лет за ложную клятву, если виновный раскаивается в содеянном; 4) запрет священнослужения за несправедливое решение (гл. 13, ст. 4).

Указанные формы церковного наказания по Уложению не являлись единственными в силу того, что документ разграничивал полномочия и правосубъектность Монастырского приказа, который самостоятельно мог назначать различные формы наказания. По сравнению с ним Артикул воинский значительно реже использовал церковное наказание. В документе дает-

ся только ссылка на один его вид – церковное покаяние, которое применялось за нарушение воинской клятвы (арт. 198), за преступления против церкви, а также за прелюбодеяние холостяка, в результате которого появлялся незаконнорожденный ребенок (арт. 176). В подавляющем большинстве оно назначалось как дополнительная мера к телесному наказанию или тюремному заключению. Артикул предусматривал публичное церковное покаяние за идолопоклонство, чародейство и богохульство, если «не причинен вред от чернокнижия и нет обязательств перед сатаной» (арт. 1), а также за ругательства по легкомыслию до двух раз, если они не содержат хулу на Бога (арт. 6). Иные случаи возможного применения церковного наказания в документе не указаны. Однако делалась ссылка на духовные суды, которые самостоятельно могли наказать военного священника, вплоть до «лишения чина и достоинства» за неисполнение службы или исполнение службы в пьяном виде более двух раз (арт. 15). Также Артикул воинский разрешал старшему священнослужителю наказывать подчиненных ему военных священников по своему усмотрению за мелкие правонарушения (арт. 14).

Произошли серьезные изменения в отношении государства к семье. Преступления, традиционно рассматривавшиеся церковным судом, теперь относились к юрисдикции светских судов (арт. 165–177). Например, за «одинокое прелюбодеяние» (один из нарушителей в браке, другой – холостой) – каторга, жесткое заключение, шпицрутены «по состоянию особ» (арт. 170); за блуд между родственниками – смертная казнь (арт. 174), за «осквернение отрока», изнасилование женщины – ссылка на галеру или смертная казнь (арт. 165–166). Лишь в некоторых случаях делались исключения. Суду по церковным правилам подлежали двоеженцы (арт. 171) и прелюбодеи, когда обе стороны состояли в браке. В последнем случае наказание назначалось «по делу и по вине смотря», при этом форма наказания непосредственно не указывалась (арт. 169). В случае появления незаконнорожденного ребенка в результате

прелюбодеяния холостяка он подвергался тюремному заключению и церковному покаянию, после чего обязан был взять незамужнюю женщину в жены. Ребенок находился на содержании родителей холостяка.

Единственное правонарушение, за которое произошло смягчение наказания по сравнению с церковным законодательством, была проституция. Блудниц ловили и раздевали для принудительного осмотра «профосами» (медиками), после чего они изгонялись (арт. 175).

Государство стало значительно больше вмешиваться в регулирование семейно-брачных отношений. С одной стороны, наказания за такого рода преступления стали более жестокими, с другой стороны, при их назначении больше внимания стали обращать на систему внешних доказательств. Толкование арт. 165–166 подробно указывало на признаки изнасилования (наличие разодранного платья, синева и кровавые знаки на теле, наличие жалобы от изнасилованной), чего не было при квалификации церковного преступления.

4. В Соборном Уложении в отличие от Артикула большое внимание придавалось наказанию за бесчестие духовных лиц. 59 статей Уложения устанавливали различные формы ответственности за оскорбление духовных лиц в зависимости от их положения: штрафы, битье батогами, тюремное заключение, торговая казнь (гл. 10, ст. 30–89). Уложение фиксировало достаточно высокий статус духовенства. Наказание за бесчестие духовных лиц устанавливалось в зависимости от ранга церковной иерархии и сословной принадлежности нарушителя. Последние по степени знатности делились на две категории. Представители первой категории (дворяне, бояре, иностранцы, дворовые) за оскорбление патриарха наказывались битьем батогами, за бесчестие митрополита, архиепископа, игумена – тюремным заключением (без указания срока). Представителей второй категории (тяглые люди, стрельцы, казаки) наказывали строже: за бесчестие патриарха – торговой казнью и тюремным заключением, за оскорбление митрополита, епископа и архиепископа –

па – битьем батогами и тюремным от трех до четырех дней (гл. 10, ст. 30–31).

Учитывалось и положение пострадавшего. Штраф за оскорбление духовенства назначался соразмерно установленному для них окладу (гл. 10, ст. 85). Например, за оскорбление архимандрита Троице-Сергиева монастыря размер штрафа устанавливался в сумме 100 р., тогда как за оскорбление рядового старца – 5 р. (гл. 10, ст. 31, 82). Особенно была разработана система наказаний за оскорбление черного духовенства. В этом случае принимались во внимание как должность потерпевшего, так и статус монастыря, к которому тот относился. За бесчестие настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря налагался штраф в размере 50 р., келаря и казначея – 30 р. (гл. 10, ст. 44), настоятеля Соловецкого монастыря – 30 р., келаря – 20 р., казначея – 10 р. (гл. 10, ст. 57), игуменов Спасо-Прилуцкого и Ферапонтова монастырей – по 20 р. за каждого, келаря – по 15 р., казначея – по 10 р. (гл. 10, ст. 68, 73, 74, 76). Но если ранжирование представителей черного духовенства было выборочным, т. е. перечислены далеко не все монастыри, то именной дифференциации церковью для белого духовенства при установлении наказания в Уложении не было. «Вилка» штрафов в данном случае строилась в зависимости от статуса церкви (ружная, городская, приходская). В первом случае устанавливались штрафы от 15 р. (дьякон) до 100 р. (благовещенский протопоп, государев духовник). За оскорбление беспоместного попа – штраф 5 р. (гл. 10, ст. 82). Самый незначительный штраф устанавливался за оскорбление монастырских слуг, он составлял 2 р. и выше (гл. 10, ст. 95–98).

В Артикуле воинском только одна статья была посвящена защите чести духовенства (напомним, что в Уложении таких 59). Статья 13 вменяла в обязанность офицерам и солдатам почитать и любить священников, запрещала им дерзить, «досаду чинить, презирать и ругаться». Нарушителям – «двойное наказание, как если оно было учинено в отношении простолудина». Вместе с тем, Артикул повышал требования к духовенству. Священникам за-

прещалось пить (арт. 14), пропускать службу (арт. 10). При невыполнении служебных обязанностей священник штрафовался на 1 р. за «каждое свое отбытие» без уважительной причины. Штрафные деньги передавались на содержание госпиталя (арт. 15).

Как видим, правовой статус духовенства второй половины XVII века был выше и сильнее защищен путем применения штрафных санкций. В начале XVIII века государство еще четко не определило юридический статус духовенства и сомневалось в необходимости сохранения его привилегий. Происходила определенная подмена понятий: наказание за оскорбление священника заменялось обязанностью населения его любить и почитать. Содержание социального статуса духовенства стало наполняться более утилитарным смыслом.

5. Уложение четко разграничивало подсудность различных категорий населения. Церковному суду в Монастырском приказе (гл. 13, ст. 1; гл. 12, ст. 1) подлежали лица духовного звания, а также крестьяне, дворовые и приказанные люди, дети боярские, проживавшие на патриарших землях. Исключение составляли лица, обвинявшиеся в совершении политических и уголовных преступлений (ст. 7). При этом Уложение уточняло, что царский суд являлся высшей инстанцией. В него можно было пожаловаться на несправедливое решение патриаршего суда. Царь мог отменить решение последнего и наказать «приказанных людей патриаршего приказа» (гл. 12, ст. 2).

Артикул о различной подсудности населения говорит лишь косвенно. Церковному суду подлежали военные священнослужители, не исполняющие свои прямые обязанности (арт. 14) и военные за произношение Бога «из злости или по пьянству» (арт. 8). Если священник совершал противозаконные действия и был «нечестив» или совершал службу в пьяном виде более двух раз, он отсылался к духовному суду для наказания и лишения звания «по изобретению вины» (арт. 15). По отношению к военнослужащим церковное наказание назначалось как дополнительная мера за ругательство Бога

по легкомыслию, но не более двух раз (арт. 6), идолопоклонство (арт. 1), прелюбодеяние (арт. 176). Множественность наказания говорит о смещении его целей в карательную сторону. Церковное наказание начинало играть второстепенную роль.

6. В Уложении на Церковь возлагались воспитательные функции. Священникам предписывалось «своих духовных детей поучать и наказывать по страху Божьему», чтобы между собой в «соседстве жили любовно, не крали, не разбивали, не ябедничали», обид не наносили, скверных речей не произносили и «на кривее крест не целовали». Эта важная функция церкви была связана с церковно-канонической традицией выступать в роли духовного пастыря, тем самым влияя на формирование общественного сознания. Приходской священник (настоятель) следил за соблюдением нравственности, давал оценку поведению людей, осуждал пороки. Ст. 8 Уложения предписывала христианам во время службы «стоять и молиться со страхом» и не думать о «земных мыслях». Тем самым реализовывалась важнейшая задача профилактики преступности.

При назначении публичного церковного наказания священник контролировал последовательность его прохождения. Публичность и открытость производства такого наказания имела важное психологическое значение, поскольку оно проходило при большом скоплении населения. Артикул в меньшей степени уделял внимание воспитательному воздействию наказания, в основе взаимоотношений церкви и общества лежал карательный принцип пресечения греха. Ст. 1 Артикула обязывала «всех жить честно по христианству, но в лицемерном страхе божьем содержать себя, выполнять служебный долг солдата, статус которого предписан Богом». В документе подчеркивалось, что публичное покаяние должно «произноситься при собрании людей» (арт. 8), однако все эти требования предельно лаконичны и практически не говорили о долге священника заниматься увещанием населения. К идее использования церкви в воспитательных целях государство

придет позже, когда начнет меняться доктрина наказания в сторону гуманизации. В начале XVIII века перед светской властью стояла иная задача – создать жестко управляемое государство. Это объясняло радикальность позиции императора по отношению к церкви. В дальнейшем, когда абсолютизм получил полное оформление, государство начало искать новые грани во взаимоотношениях с РПЦ, более широко используя ее воспитательный потенциал.

Обратим внимание на изменение содержания ритуалов при назначении наказания и осуществлении судебно-следственных действий светскими властями, что также имело воспитательно-публичный характер. По Уложению производство ритуалов было увязано с идеей неразрывности церкви и государства, тогда как по Артикулу – в большей степени с государственными интересами. Церковные ритуалы являлись воплощением идеи сакрализации власти. Царская власть была освящена и легитимирована Русской Православной Церковью, государь олицетворял собой защитника всех православных. Поэтому церковные ритуалы сохранялись в светском законодательстве и применялись в том числе, когда шло следствие и назначение наказания. В Соборном Уложении был закреплён правовой институт клятвоцелования, применявшийся по отношению к обвиняемым и свидетелям. Подробно регламентировались действия и сама процедура, время и участники в зависимости от возраста и положения (ст. 10, гл. 14). Артикул, в отличие от Уложения, в большей степени акцентировал внимание не на ритуальном исполнении клятвы, а на карательных санкциях за ее нарушение, предусматривающих в отдельных случаях «лишение живота» (арт. 197).

Произошли изменения по субъектам и формам наказания за нарушение клятвы. В Соборном Уложении содержались ссылки на источники церковно-канонического права, предусматривающие применение различных форм церковного наказания за клятвopреступление: 1) временное отлучение от церкви на срок

от 6 до 10 лет; 2) церковное покаяние в виде жесткого поста и усиленной молитвы; 3) урезание языка (гл. 14, ст. 10); 4) «отсылка на смирение духовного лица к тому, в чьей области будет» (гл. 10, ст. 162). Наложение всех четырех форм наказания находилось в юрисдикции церковного суда. По Артикулу, клятвopеcтyпление относилось уже к ведению светских судебных властей, при этом понятие «клятва» и «присяга» становились равнозначными. За «лживую присягу» предусматривалась каторга с отрубанием двух пальцев, которыми присягал виновный (арт. 196), за ложную судебскую клятву – телесное наказание или смертная казнь (арт. 197). Церковное наказание рассматривалось как дополнительная мера «сверх другим наказаниям» по определению светского суда (арт. 198).

Таким образом, с одной стороны, церковная ритуальность наказания являлась воплощением государственной карательной политики. Она демонстрировала процесс синтеза отдельных представлений о церковном и светском наказании. Государство активно использовало различные религиозные ритуалы при назначении наказания, чтобы подчеркнуть свою незыблемость. С другой стороны, наблюдался закономерный процесс совершенствования институтов наказания, попытки придать ему более законченный характер.

Подведем итоги. Сравнение и анализ двух вышеуказанных документов со всей очевидностью говорит о расширении юрисдикции государства. Соборное Уложение как правой документ являлся в большей степени социальным компромиссом между РПЦ и государством, тогда как Артикул воинский отражал абсолютистскую идею верховенства государства. Это выражалось в том, что по Соборному Уложению юрисдикция церкви и государства была более четко разграничена. Оно предусматривало параллельное функционирование светских и церковных судов, широкое применение различных форм церковного наказания. Юрисдикция Монастырского приказа распространялась на различные категории населения,

в отношении которых церковь могла самостоятельно осуществлять дознание, вершить суд за различные правонарушения, осуществлять увещание и воспитание. В последнем случае важную роль играла публичность церковного наказания и производство клятвы при расследовании преступлений и назначении наказания. Уложение сохраняло за РПЦ монопольное право регулирования семейно-брачных отношений. В основе взаимоотношений церкви и государства лежала идея их «симфонии», поэтому социальный статус духовенства во второй половине XVII века в правовом отношении был в большей степени защищен, предусматривалась широкий спектр наказаний за их оскорбление.

В начале XVIII века взаимоотношения государства и церкви резко изменились. Идея «симфонии» уступила место абсолютизму, равенство сменилось на господство, соборность была подавлена государственным утилитаризмом. Юрисдикция церкви начала ограничиваться. Артикул практически не говорил о церковных судах. Формулировки церковного наказания стали более неопределенными и ограниченными. Санкции на применение церковного наказания встречались реже. Усиление роли государства проявилось и в том, что оно взяло в свои руки регулирование семейно-брачных отношений, что исконно было прерогативой церкви, и в дальнейшем это вызывало серьезные споры и противоречия между духовной и политической властью. Устрашение наказанием – черта законодательного процесса петровского времени. В основе взаимоотношений церкви и общества лежал государственный принцип эффективного пресечения греха, подтверждением чего является более широкое применение смертной казни, в т. ч. и за религиозные преступления и за нарушение семейных отношений. Этот принцип лежал и в основе ритуализации исполнения клятвы при назначении наказания и расследовании. Нарушение церковной клятвы также каралось смертной казнью. О воспитательно-назидательном значении наказания в деятельности церкви в Ар-

ИСТОРИЯ

тикуле не говорилось вообще. К этой проблеме государство вернется лишь во второй половине XVIII века под воздействием идей просветительства.

Артикул в значительной степени ограничивал юрисдикции церковного суда. Церковному суду подлежали священнослужители и военнослужащие. Не обозначал границы компетенции церковного суда, т. к. государство еще не определилось со статусом РПЦ и духовенства. Сомнения государства нашли отражения в ограничении штрафных санкций за бесчестие духовенства.

Таким образом, мы наблюдаем явную противоречивость позиции государства по отношению к церкви. С одной стороны, преступления против церкви приравнивались к государственным, и шире применялась смертная казнь, с другой стороны, церковное наказание стало использоваться реже, оно в большей степени играло второстепенную роль. Многие преступления, которые ранее рассматривали духовные суды, отошли к государственному судопроизводству. Начала преобладать тенденция подчинения церкви государственным интересам.

Список литературы

1. ГААО (Гос. арх. Арханг. обл.). Ф. 29. Оп. 3. Д. 3277.
2. ГАВО (Гос. арх. Вологод. обл.). Ф. 486. Оп. 1. Д. 336, 709, 1083.
3. ГАНО (Гос. арх. Новгород. обл.). Ф. 480. Оп. 1. Д. 1125.
4. ГАНО (Гос. арх. Новгород. обл.). Ф. 513. Оп. 1. Д. 566.
5. Описание документов, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1891. № 276.
6. ПСЗ-I. Т. 4.
7. ПСЗ-I. Т. 10. № 7521.
8. ПСЗ-I. Т. 23. № 16986.
9. Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986.
10. Чистякова М.В. Московский Новодевичий монастырь в истории культуры России второй половины XVIII в.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1999.
11. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1950.

References

1. *State Archive of the Arkhangelsk Region*. Fund 29, inv. 3, file 3277.
2. *State Archive of the Vologda Region*. Fund 486, inv. 1, file 336, 709, 1083.
3. *State Archive of the Novgorod Region*. Fund 480, inv. 1, file 1125.
4. *State Archive of the Novgorod Region*. Fund 512, inv. 1, file 566.
5. Description of the documents kept in the archives of the Holy Governing Synod. St. Petersburg, 1891. No. 276 (in Russian).
6. *Complete Collection of Laws* – 1. Vol. 4.
7. *Complete Collection of Laws* – 1. Vol. 10, no. 7521.
8. *Complete Collection of Laws* – 1. Vol. 23, no. 16986.
9. *Russian Legislation of the 10th–20th Centuries*. Vol. 4, Moscow, 1986 (in Russian).
10. Chistyakova M.V. *Moskovskiy Novodevichiy monastyr' v istorii kul'tury Rossii vtoroy poloviny XVIII v.*: avtoref... kand. istor. nauk [Moscow Novodevichy Convent in the Cultural History of Russia in the Second Half of the 18th Century: Cand. Hist. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 1999.
11. Yushkov S.V. *Istoriya gosudarstva i prava SSSR* [History of the State and Law of the USSR]. Part 1. Moscow, 1950.

Pavlushkov Aleksandr Rudolfovich
VILE of the FPS of Russia (Vologda, Russia)

**THE STATUS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND PRACTICE
OF ECCLESIASTICAL PUNISHMENT IN THE SECOND HALF OF THE 17th –
EARLY 18th CENTURY**

The paper analyzes two legal documents: the 1649 Sobornoe Ulozhenie (the Law Code of the Assembly of the Land) and the Articles of War of 1715 to look at the changes in the judicial and legal status of the Russian Orthodox Church, its jurisdiction and various forms of ecclesiastical punishment. Common features of these documents are indicated, as well as peculiarities of each of them in terms of the question under consideration.

Keywords: *Law Code of the Assembly of the Land, Articles of War, ecclesiastical punishment, status of the clergy, ecclesiastical court, secular court.*

Контактная информация:
адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2;
e-mail: apavlushkov@yandex.ru

Рецензент – *Понов А.М.*, доктор исторических наук, профессор кафедры управления и экономики образованием Вологодского института развития образования, заведующий лабораторией государственно-общественного управления образованием